

УДК 81.42

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-3-168-179

РЕГИОНАЛИЗМЫ КАК ЛЕКСИКА МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ДИАХРОННЫХ КОНТАКТОВ: ДИСКУРС ТЕКСТОВ¹

Астафьева И. И., Жамсаранова Р. Г.

ФГБОУ ВО Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

E-mail: miraast2910@gmail.com; rebecca_zab@mail.ru

Статья посвящена исследованию регионализмов, характерных для населения Забайкальского края, используемых непосредственно в региональных художественных текстах и представляющих, на наш взгляд, реликты дагуроязычных насельников исторической Даурии. Данное исследование лексического аспекта диахронных межъязыковых контактов позволяет предположить, что некоторые забайкальские регионализмы имеют своим лексическим началом словарный фонд дагурского языка. Лексико-семантический анализ рассмотренных лексем, найденных в текстах, подтверждает общее происхождение исследуемых слов из дагурского языка, что позволяет глубже понять процессы языковых взаимодействий и формирования региональной лексики. В статье также отмечается, что в процессе межъязыковых контактов произошли изменения в структуре, лексике и грамматике языка, что привело к появлению регионализмов, используемых в речи жителей Забайкальского края. Особое внимание в статье уделяется сравнительно-сопоставительному анализу наименований мастей лошадей в дагурском, бурятском и монгольском языках, который отражает их очевидное материальное совпадение.

Ключевые слова: регионализмы, дагурский язык, Даурия, бурятские и монгольские заимствования в русском языке, художественный текст, сравнительно-сопоставительный анализ, наименования мастей коня.

ВВЕДЕНИЕ

Своеобразие используемых регионализмов в речи жителей Забайкальского края обусловлено «воздействием языков коренных жителей, что нашло заметное отражение на лексическом уровне в виде заимствований из бурятского и эвенкийского языков» [7, с. 50]. Вследствие культурного обмена между русскими и бурятами в речи забайкальцев возникли регионализмы, которые можно разделить на две группы: заимствованные слова из бурятского языка и русские слова-полисеманты. Регионализмы традиционно воспринимаются как компоненты устной речи, однако новейшие исследования позволяют предположить, что данные лексические элементы способны выходить за границы исключительно вербальной коммуникации. Так, зачастую в художественных произведениях автор часто может использовать регионализмы, поскольку они отражают национальную специфику и уникальные особенности определённой местности. Использование регионализмов в художественных текстах помогает читателю лучше понять контекст произведения и глубже погрузиться в атмосферу описываемых событий. Эти лексические единицы могут быть представлены как отдельными словами, так и устойчивыми выражениями, характерными для определённых регионов.

¹ Статья выполнена в рамках и при финансовой поддержке гранта РФФИ № 24-28-20067 «Нарративы исторической Даурии как содержательный компонент туристического кластера Забайкальского края».

Для исследования регионализмов в художественной литературе нами были взяты тексты забайкальского писателя Геннадия Георгиевича Богданова. Тексты автора наполнены регионализмами, которые являются заимствованными словами из бурятского языка или же транслируют «реалии» забайкальского уклада жизни, т. е. являются словами-полисемантами. В процессе сравнительно-сопоставительного анализа лексем в выбранных текстах, были обнаружены регионализмы, полагаем, дагурского происхождения. Присутствие таких регионализмов в художественных текстах автора Г. Г. Богданова в значительной степени определяется особенностями исторического развития социолингвистической ситуации в регионе, известном ранее как Даурия.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью глубокого анализа и понимания региональных особенностей русского языка в Забайкальском крае, включая его связь с дагурским языком. В условиях интеграции культур, сохранение и изучение уникальных языковых черт, в том числе влияния дагурского языка на формирование забайкальских регионализмов, становится особенно важным для сохранения культурного наследия региона. Исследование регионализмов в художественных текстах позволяет не только выявить специфические черты местной речи, но и способствует более глубокому пониманию культурных и исторических аспектов жизни населения Забайкальского края, наследие которого и отражается в художественных текстах забайкальского писателя.

Новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка анализа используемых регионализмов в художественных текстах забайкальского автора Г. Г. Богданова.

Целью статьи является исследование регионализмов как лексики межъязыковых диахронных контактов на примере дагурского, бурятского и монгольского языков в художественных текстах Г. Г. Богданова.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Регионализмы как «слова, функционирующие на определенной территории, не зафиксированные в толковых словарях литературного языка или получающие в них пометы *обл., местн., прост., разг.*» [8, с. 22], представляют собой языковые особенности, специфичные для определённых географических областей или регионов, включающие в себя те лексические, фонетические, грамматические и другие аспекты языка, которые имеют отличия от общепринятых языковых норм. Многообразие интерпретаций одинаковых по значению слов в разных регионах обусловлено не только географическим фактором, оно также зависит от исторических, культурных, экономических, политических условий региона. Однако ключевым фактором, влияющим на формирование регионализмов, является синтез языков, в процессе которого происходит межъязыковое взаимодействие, характеризующееся заимствованием слов, некоторых грамматических конструкций и произношением.

Русский язык в Забайкальском крае подвергся влиянию языков неславянских народов, проживающих на территории края, вследствие чего русская речь забайкальцев независимо от их социального положения, профессии и возраста обогатилась новыми словами, необходимыми для описания местных реалий. Лексика

людей, проживающих на территории Забайкалья, всегда несколько отличалась от лексики носителей русского языка, проживающих в других регионах России [11, с. 6].

Речь забайкальцев изобилует регионализмами, которые отображают не только исключительность культуры проживающего здесь народа, но и языковые особенности региона. Уникальность регионализмов Забайкальского края обусловлена «воздействием языков коренных жителей, что нашло заметное отражение на лексическом уровне в виде заимствований из бурятского и эвенкийского языков» [7, с. 50]. Регионализмы, возникшие на основе заимствованных слов с бурятского языка, изучали Л. Е. Элиасов, Ц. Б. Цыдендамбаев, Э. Д. Эрдынеева, Р. Х. Харташкина, К. Н. Матвеева, А. П. Майоров, С. М. Бабушкин и др. Исследования включают в себя анализ различных аспектов заимствованных слов, таких как их этимология, адаптация в русском языке, семантические и стилистические трансформации, а также воздействие на эволюцию русского языка.

В результате культурного обмена между русскими и бурятами в Забайкалье появились регионализмы, которые можно разделить на две группы. Первая группа – это заимствованные слова из бурятского языка. Примеры таких заимствований состоят из таких слов, как *аркан*, *тарбаган*, *мерин*, *гуран*, *доха*, *малахай*, *аргал* и другие. Особенно большое количество заимствований встречается в названиях традиционной кухни (*буузы*, *шарбин*, *бухэлэр*, *шулэн*), слова религиозного характера (*дацан*, *лама*, *зурхай*), а также сельскохозяйственные термины, топонимы (*Дарасун*, *Челутай*, *Улан-Цацык* и др.), термины родства и т. д. [14, с. 144].

Вторая группа регионализмов Забайкалья – это русские слова-полисеманты, обозначающие какие-либо реалии, которые обогащают русские слова новыми значениями. Например, для Забайкалья характерны регионализмы, возникшие в процессе семантической деривации. Так, например, под влиянием бурятского языка и непосредственно традиций бурятского народа возникли регионализмы *сагалить* и *сагаловка*, что означает ‘праздновать Сагаалган’ [14, с. 144]. Также примером регионализма с полисемическим значением является прилагательное *белый*, благодаря которому образовано одно из официальных названий этого праздника Сагаалган – Белый месяц. Белый месяц является лексико-словообразовательной калькой бурятской лексемы Сагаан һара, т. е. первый месяц года, где сагаан – ‘белый’, а һара – это ‘месяц’ [14, с. 144].

Таким образом, появление новых значений слов русского языка и заимствование слов из бурятского языка происходит благодаря тесному общению соседствующих народов. Возникновение новых явлений и возрождение забытых традиций бурятского народа неизбежно приводит к заимствованию этих традиций, что, в свою очередь, вызывает появление регионализмов, воспринимаемых в качестве лексем с лексико-семантическими и словообразовательными особенностями. Эти регионализмы являются «полноправными» членами регионального варианта русского языка Забайкалья и представляют собой уникальную систему «языковых ценностей и связей, отражающих не общероссийскую, а «свою», региональную картину мира» [14, с. 13]. Выделенные группы регионализмов наглядно демонстрируют этнокультурное взаимодействие русского и бурятского народов и, безусловно, являются одними из самых ярких элементов лингвокультурного «ландшафта»

Забайкалья. В региональных вариантах национального языка прослеживается взаимодействие литературного языка, с одной стороны, с формами живой разговорной речи (диалектной, региолектной), а с другой стороны, с языками коренных народов, что можно наблюдать в многонациональном регионе [14, с. 13].

Регионализмы традиционно рассматриваются как элементы устной разговорной речи, однако последние исследования указывают на то, что эти лексические единицы могут выходить за рамки исключительно устной коммуникации. Регионализмы в художественных литературных текстах выполняют значимую функцию, транслируя национальную специфику и уникальные черты определённой местности. Кроме того, регионализмы в художественных текстах способствуют более глубокому пониманию читателем контекста произведения, позволяя ему глубже погрузиться в атмосферу описываемого места действия. Они вербализуются через отдельные слова или целые устойчивые выражения, специфичные для определённых регионов, и, художественные тексты забайкальских авторов не исключение.

Для исследования регионализмов в художественной литературе были взяты тексты забайкальского писателя Г. Г. Богданова. Тексты автора наполнены регионализмами и диалектно-просторечными фразами, которые, как говорилось выше, и отражают «реалии» забайкальской жизни посредством описания самих персонажей, их действий, традиций и привычек. Говоря об используемых регионализмах в Забайкальском крае, следует упомянуть, что на территории раннего заселения (современные Нерчинский, Шилкинский, Балейский районы Забайкальского края), куда, согласно историкам, русские казаки пришли из сибирских городов Тобольска, Илимска, Томска, Верхотурья, пополнявшихся первоначально уроженцами северных областей государства (Новгородской, Олонёцкой, Вологодской, Архангельской, Вятской, Пермской губерний). Сначала осваивались земли в центральной части края вдоль рек Нерчи, Шилки, Унды, потом пошло расселение и в другие районы [7, с. 50]. Первопоселенцы говорили на диалектах севернорусского наречия, диалектная речь их потомков до сих пор сохраняет характерные черты [7, с. 50]. Действительно в художественных текстах были обнаружены некоторые регионализмы, характерные для северо-восточной части России, например такие лексемы, как *лонись*, *осенесь*, *веньгуша*, *кокорка*, *кабусин* и т. д. [3]. При этом в выбранных текстах присутствуют регионализмы, полагаем, дагурского происхождения. Присутствие таких регионализмов в художественных текстах автора Г. Г. Богданова в значительной степени определяется особенностями исторического развития социолингвистической ситуации в регионе, известном ранее как Даурия.

Известно, что до XVII в. дауры (или по-другому дагуры) проживали в верховьях Амура, однако под давлением со стороны России были вынуждены переселиться в более южные районы [16]. Так, территория в границах современной Республики Бурятия, Забайкальского края и Амурской области, где ранее проживали дауры, получила название «Историческая Даурия». Дауры представляют собой древний земледельческий народ, о чём говорит их богатая терминология, однако, «с другой стороны, скотоводческие термины у них развиты слабо, например, верблюжонок на даурском языке звучит как *тэвээ кэку* (досл. детеныш верблюда), в отличие от тюрко-монгольского ботго (бото)» [17, с. 83]. Лексика дауров, связанная со скотоводством,

хоть и слабо развита, однако она компенсируется богатым разнообразием терминов, связанных с охотой и рыболовством. Большая часть этой терминологии происходит из тунгусо-маньчжурских языков, что свидетельствует о тесных этнокультурных связях между эвенками и даурами [17, с. 83].

Дауры имеют монгольское происхождение. Бурятские языковеды выявили несколько примеров сходства между дагурским и бурятским языками и предположили, что в истории дауров мог быть прибайкальский период. В результате сравнительного изучения бурятского и дагурского языков некоторые бурятские филологи пришли к выводу, что буряты могли ассимилировать часть дауров, которые ушли на запад [15, с. 26]. Некоторые представители шэнэхэнских бурят считают, что дагурский язык схож с языком хүдэри-бурят (т.н. «западные буряты»), которые живут к западу от Байкала. Вероятно, они раньше были дагурами, но теперь полностью ассимилировались с бурятами [15, с. 27]. Таким образом, «регионализм представляет собой реликт прежнего «тунгусского» языка, некоего языка-койне исторической Даурии» [5, с. 87]. Изучение региональной художественной литературы (в нашем случае это тексты регионального писателя Забайкальского края Г. Г. Богданова) с лингвистической точки зрения дает большое поле для исследования в лексическом аспекте диахронных межъязыковых контактов, и дает основание предполагать, что дагурский язык был первоисточником некоторых забайкальских регионализмов, как, предположительно, один из тех т.н. «тунгусских» языков региона.

Рассмотрим примеры регионализмов в художественных текстах, вероятно произошедших от дагурского языка, и проведем сравнительно-сопоставительный анализ с бурятским и монгольским языками. «Сегодня, как стемнеет, твоя Катька пойдет в стайку *имана* ловить» [2, с. 52]. В тексте автор Г. Г. Богданов дает обозначение данной лексеме *иман* – ‘козёл’. Данный регионализм, характерный для речи жителей забайкальского края, полагаем, дагурского происхождения, т. к. *имаа* переводится, как ‘козел’ или ‘коза’ [13, с. 81], в монгольском языке козел переводится, как ‘*ямаа*’ [11, с. 1348], а в бурятском – ‘*ямаан*’ [1, с. 91].

В качестве примера также была взята лексема *адали*: «Твои слова для меня – *адали* маменькино благословение» [2, с. 58]. В забайкальском говоре *адали* означает ‘как будто’, ‘вроде’ [9, с. 398]. В дагурском языке нами было выявлено слово *адильшеегу*, значение которого ‘признавать равным, равнять, рассматривать как одинаковое, похожее аналогичное’ [13, с. 10]. Полагаем, возможно, лексема *адильшеегу* и была первоисточником забайкальского *адали*. В монгольском языке есть лексема *адилшах* [11, с. 179], имеющая несколько значений: ‘1) считать, признавать похожим (равным), равнять, рассматривать как одинаковое (похожее, аналогичное); ставить знак равенства; 2) сопоставлять, уподоблять, сравнивать, сближать, проводить параллель (аналогию)’. В бурятском языке есть лексема *адли*, т. е. ‘похожий’ [1, с. 130].

Можно также привести пример такого регионализма, как *торгон*: «Назывался он непонятно – *торгон*, видно, по-ихнему, по-китайски» [2, с. 54]. Лексемой *торгон* в тексте описывается тонкая, шелковая ткань. В дагурско-русском словаре было выявлена лексема *торгу* [13, с. 159], первое значение которой ‘атлас» (вид ткани),

второе – ‘шить тонкими нитками’. В монгольском *торго(н)* – это ‘шелк’ или ‘шелковый’ [11, с. 634], в бурятском *торгон* – это ‘шелк’ [1, с. 158].

Еще один забайкальский регионализм, имеющий очевидную связь с лексикой монгольской ветви языков, – *малахай*: «Первым из возка степенно сошел Игнат, облаченный в закуржавелую доху и лисий *малахай*» [2, с. 57]. В монгольском языке, как и в бурятском ‘шапка’ или ‘головной убор’ переводится, как *малгай* [11, с. 193]. В дагурском языке также была обнаружена лексема *магал*, имеющая тоже самое значение [13, с. 119].

Вызывает интерес и лексема *гуран*: «Скинул собачью доху, обнаружив под ней какулеву короткую куртку из шкур осеннего *гурана*» [2, с. 15].

И этот текст также чрезвычайно ценен для исследователя тем, что данное слово как регионализм обнаруживает такое весьма распространенное явление в ономастике, как омонимия. Дело в том, что *гуранами* «прозывают» коренных жителей Забайкалья и этим словом называют самцов диких коз – коскуль. Возникает вопрос о правомерности прямого лексико-семантического сопоставления аллоэтнонима *гуран* и наименования *гуран* – самца дикой козы.

«Народная» этимология аллоэтнонима *гуран* и связывает эти две лексемы одним и тем же происхождением, обнаруживая очевидное наличие омонимии, как искажая тем самым значение аллоэтнонима *гуран*, так и способствуя забвению исторического самоназвания в процессе толкования экзонима или аллоэтнонима *гуран*.

Бытует распространенное мнение о *гуранах* как людях, чьи предки были рождены в результате смешанных браков между русскими и бурятами, эвенками, монголами, маньчжурами. «Старожильческое русское население Забайкалья, считающих себя потомками казаков как первых русскоязычных насельников края, называют «гуранами»» [6, с.187].

Однако мы придерживаемся иной точки зрения, а именно, вслед за Г. С. Новиковым-Даурским и Л. Л. Крючковой, считаем, что *гураны* – это отдельная этническая группа забайкальских казаков. Самоназвание забайкальцев *гуран(ы)* произошло из лексики тунгусо-маньчжурских языков, трактуемое ими от лексемы *гурун*, как ‘люди; народ’ [6, с. 18]. Данное мнение обосновано рядом лексем из «тунгусских» языков [6, с. 189], «где слово гуру(н) ‘народ, люди’, присутствует конкретно в ульчском, орокском, нанайском, маньчжурском языках, семантическим вариантом которого является общетунгусское слово гурӯ ‘государство’ (см.: солонский, нанайский, маньчжурский, чжурчжэньский), типологически сходные со словами монгольских языков (см.: п.-мо. *gürün* ‘государство’; /монг./ гүрэн ‘государство’; /бур./ гүрэ(н) ‘государство’» [6, с. 190]. Мы полагаем, что аллоэтноним (которое прежде являлось этнонимом (соционимом / политонимом) эпохи маньчжурского государства Айсинь-Гурун – золотой империи чжурчжэней (по-китайски «Цзинь») и «превратилось» со временем в аллоэтноним *гуран*, «оставшись таким образом в сознании забайкальских казаков как аллоэтноним.

По-другому, мы можем предположить, что забайкальцы-*гураны* – это потомки прежней империи Айсинь-Гурун как одной из могущественных империй постмонгольской империи, вошедшей в анналы истории Северной Азии. Таким образом, мы связываем позднее дауроязычное население, как и современное

русскоязычное население Забайкалья, а также «тунгусов» князя Гантимура во второй половине XVII в. исторической Даурии с чжурчжэнями империи Айсинь-Гурун.

А выявившаяся омонимия, прежде всего внутриязыковая, обусловлена как забвением исторического прошлого народов Забайкалья, так и лингвистическими ошибками при этимологическом анализе [10]. Ложное сопоставление аллоэтнонима *гуран* и именованная самца козули обусловлена следующим: согласно одной из распространённых теорий, этимология слова *гуран* связана с бурятским словом гүрөөһэ(н), т.е. ‘дикая коза; козуля’. «Можно предположить, что вследствие стяжения слова и «образовалось» новое слово гуран вместо изначального гүрөөһэ(н), что вполне возможно» [6, с. 187].

В дагурском языке *гураан* – это ‘самец козули’ [13, с. 46]. Таким образом, аллоэтноним *гуран* близок по своему источнику «образования», прежде всего к лексике дагурского языка как одного из монгольских языков региона.

«Первыми заявляют о себе на прогретом косогоре хороводы *ургуек*, которые по-ученому зовут прострелом сибирским» [2, с. 170]. *Ургуйка/ургуй* или *аргуйка/аругька* [9, с. 398]. является забайкальским регионализмом, обозначающий ‘подснежник’: «Ургуй – самый красивый цветок у нас в Забайкалье» [19, с. 428]. Данная лексема заимствована в речь забайкальцев с бурятского языка, где ‘подснежник’ – это ургы [1, с. 128], в монгольском языке ‘подснежник’ или ‘прострел’ – *яргуй* [11, с. 1353].

«Поражаясь такой храбрости, следом раздвигает стылую почву дикий забайкальский лук, в местном тунгусском наречии – *мангир*» [2, с. 170]. Богданов Г. Г. в самом предложении поясняет значение слова *мангир*, т.е. ‘дикий полевой лук’: «Этого *мангира* тут целые поля росли. Буряты *мангир* испокон веков едят» [19, с. 195]. Данный регионализм заимствован из бурятского языка, где *мангир* переводится как ‘лук (дикий)’ [1, с. 101]. В дагурском языке была обнаружена лексема *мангеес*, т.е. ‘горный лук’ [13, с. 111]. Возможно, данный регионализм образовался в процессе межъязыкового взаимодействия и приобрел известную забайкальцам лексическую форму.

Сравнительно-сопоставительный анализ лексико-семантического сходства рассмотренных регионализмов дает основание говорить об их общем языке-источнике, в нашем случае это дагурский. Можно проследить, что в процессе диахронных межъязыковых контактов произошли изменения в структуре, лексике и грамматике языка, что впоследствии перешло в статус регионализмов, отличающих речь забайкальцев.

Важно отметить, что на речь населения Забайкалья повлиял и китайский язык. В начале XX в. началась китайская колонизация даурских районов, что впоследствии привело к сильному влиянию на дауров в плане их этноязыковой ассимиляции, когда китайский язык стал основным их языком [17, с. 79]. Такие этнокультурные контакты оказали большое влияние на широкий спектр жизнедеятельности народов, в том числе и на язык. Это влияние проявляется в активизации экзотической для стандарта национального языка лексики, такой как *фанза*, *ханишин*, *женьшень* и другие. Также наблюдаются непосредственные заимствования из китайского языка, которые появляются в русской речи, минуя стандарты национального языка, например, *куня*, *фу-юань* как рефлекс языка-койне. Кроме того, развивается процесс образования

собственно русских слов, обозначающих различные атрибуты русско-китайского взаимодействия в регионе на базе заимствованных или исконных элементов, например, *чифанька*, *киты*, *помогай* [4, с. 8]. Эти изменения в речи забайкальцев свидетельствуют о глубоких культурных связях между Россией и Китаем, а также о наличии заимствований из китайского языка в сферу быта жителей исторической Даурии [4, с. 8].

Проиллюстрируем некоторые примеры наличия регионализмов китайского происхождения в текстах Г. Г. Богданова: «...*фангули* ему будет, конец, стало быть» [2, с. 38]. Лексема *фангули* означает, как отмечает сам автор, с китайского языка *конец*, вероятно, исходит от китайского 完 (*wán*), что в переводе на русский язык означает ‘заканчиваться, завершаться’. Еще один регионализм китайского происхождения – *фанза*: «Кто серебром отдает, кто отрез *фанзы* тонкой...» [6, с. 56]. Автор обозначает лексему *фанза* как тонкую прозрачную ткань и сам делает отметку, что данное слово китайского происхождения. По Д.Н. Ушакову *фанза*, *фанзы* с кит. Языка – это ‘шелковая ткань’. В китайском языке есть фраза 仿真丝 (*fǎng zhēn sī*), что означает ‘искусственный шелк’. Вероятно, тонкая прозрачная ткань, как указывает сам автор Г. Г. Богданов, и есть тот самый шелк, а фраза 仿真丝 (*fǎng zhēn sī*) позже была преобразована в «русское» *фанза*, воспринимаемое как забайкальский регионализм.

Отметим, что Г. Г. Богданов в тексте упоминает как дикие, так и смешанные масти лошадей, которые присущи забайкальской лошади: мышастая, саврасая, пегая, соловая: «Часами мог рассказывать Макся о каждой породе, не забывая про диких лошадей, которые обитали когда-то в даурских местах» [2, с.33]. Говоря о породах лошадей, из текста в пример была взята лексема *чикичей*: «А слышал ли, что конные тунгусы, что жили тут, воины шибко хорошие были? А кони их *чикичеями* назывались» [2, с. 64]. В словаре М. Р. Фасмера *чикичей* – это дикая лошадь, /байкальск./. Согласно словарю В.И. Даля, чигитай и джигитай – ‘дикий ослик, полуконь, шилохвосты, уши длинные, масти буланой’. Также *чикичей* – это ‘осел, обитающий в Восточном Забайкалье’: «Откуда в деревне чикичей появился, никто не помнит» [19, с. 454]. В тексте Г. Г. Богданова обозначаются и некоторые виды коней: «Для *гелуна* повозка – одна срамота, не приемлет жеребчик совсем хомута» [2, с. 28] или «А ты *тайган* кастрированный» [2, с. 28]. Автор дает понятие данных лексем, и их подтверждение мы находим в словаре русских говоров Забайкалья, где *тайган* – это ‘необъезженный после кастрации конь’ [19, с. 404], а *гелун* – ‘молодой необъезженный конь’ [19, с. 89].

Происхождение данных регионализмов, используемых Г. Г. Богдановым в художественных текстах, объясняются прежде всего межъязыковыми и межкультурными явлениями. Не стоит предавать забвению и некогда общее этно-историческое прошлое, где такое понятие, как историческая Даурия, сыграло свою, несомненно, важную роль в процессе становления не только т. н. «забайкальского говора», но и основных моментов регионального самосознания. Дикая забайкальская лошадь некогда разводилась степными кочевниками. В забайкальской лошади в большой мере сохранилась кровь ее диких предков, а вместе с ней и ценные биологические и хозяйственные признаки, кроме того, забайкальская лошадь отлично приспособлена к местным суровым природно-климатическим условиям, хорошо использует пастбища, а в холодное время года обрастает обильным волосным

покровом [20]. И в текстах Г. Г. Богданова также описываются породы разных лошадей, обитающих в лесостепной зоне Забайкалья и Бурятии, например: буланая (желтовато-золотистая или песчаная различных оттенков окраска туловища и головы), каурая (окраска туловища рыжеватая, грива и хвост рыже-коричневые, темнее корпуса, а ноги того же цвета, что и туловище, с наибольшей интенсивностью окраски в районе запястных и скакательных суставов.), чубарая (барсовая с черными пятнами по туловищу, леопардовая) [3, с. 32]. Согласно Д. Н. Ушакову, такие наименования мастей лошадей происходят из тюркских языков. Монгольские и тюркские языки тесно связаны между собой. Они оба относятся к алтайской языковой семье, что свидетельствует об их общем происхождении. Лексика и грамматика этих языков взаимно обогащались ещё с древних времён, особенно в периоды активных контактов между тюркскими и монгольскими племенами. Исследование названий мастей лошадей в дагурском, бурятском и монгольском языках является важным, поскольку конь – это значимое животное для населения Забайкальского края, что и отражается в художественных текстах Г. Г. Богданова.

Известно, что дагурский язык – один из монгольских языков. Исходя из данного тезиса, попробуем описать в сравнительно-сопоставительном аспекте лексику именования мастей коней в дагурском, бурятском и монгольском языках.

Масть	Дагурский	Бурятский	Монгольский
Пегая	Алаар	Алаг	Алаг
Сивая (серая)	Бор	Боро	Бор
Чалая	Боорул	Буурал	Буурал
Мышастая (пепельная)	Сарал	Хаарал	Саарал
Соловая	Шарга	Шаргал	Шаргал
Гнедая	Кэйр	Хээр	Хээр
Саврасая	Куал	Хула	Хул
Игрeneвая	Саудаар	Сабидар	ᠰabidar (ст.-п.монг.)
Чубарая	Улээр	Соохор	Цоохор

Очевидно материальное совпадение таких названий масти коней, как пегая: /дагур./ ‘алаар’ [13, с. 12], /бур./ ‘алаг’ [3, с. 32], /монг./ ‘алаг’ [11, с. 193]; сивая: /дагур./ ‘бор’ [13, с. 27], / бур./ ‘боро’ [3, с. 32], /монг./ ‘бор’ [11, с. 401]; чалая: /дагур./ ‘боорул’ [13, с. 27], /бур./ буурал [3, с. 32], /монг./ ‘буурал’ [1, с. 437]; мышастая: /дагур./ ‘сарал’ [12, с. 17], /бур./ ‘хаарал’ [3, с. 32], /монг./ ‘саарал’ [11, с.457]; соловая: /дагур./ ‘шарга’ [12, с. 15], /бур./ ‘шаргал’ [18, с. 609], /монг./ ‘шаргал’ [11, с. 1220]; гнедая: /дагур./ ‘кэйр’ [13, с. 98], /бур./ ‘хээр’ [18, с. 528], /монг./ ‘хээр’ [11, с. 1098]; игрeneвая: /дагур./ ‘саудаар’ [13, с. 142], /бур./ ‘сабидар’ [3, с. 32], /монг./ ‘ᠰabidar’ [12, с. 21].

Обращает на себя внимание система консонантизма дагурского языка, обнаруживающая некие характерные особенности. Так, к примеру, название гнедой лошади в дагурском – ‘кэйр’, где начальное [к] характерно для дагурского, встречается в «монгольском, калмыцком, саянском, а также в нижнеудинском говоре бурятского языка, в южном (ордосском) диалекте языка монголов Внутренней

Монголии, в речи ойратов провинции Ганьсу и Цинхай, Синьцзян-Уйгурского Автономного района КНР, тогда как во всех остальных монгольских языках и диалектах [q] и [k] отражаются в виде спиранта [x]» [12, с. 32-33].

ВЫВОДЫ

Наши региональные ономастические результаты обнаруживают наличие реликтов фонологии дагурского языка, когда наблюдается, к примеру, явление аффрикат в структуре региональной топонимии – гидронимы Джамбура, руч., Джимбирка, р. – пр. р. ингода Джейн, руч. – пр. р. Аргунь, Джапиджак, р. в Могочинском районе, Джергалантуй, р. – пр. р. Урей, Джерон, р.; Джида, р. – пр. р. Онон и т. д. Б. Х. Тодаева пишет, что только «в дагурском языке [j] перед [i] в отдельных случаях дает [g], которое чередуется с [dz]» [12, с. 31].

Таким образом, региональные тексты, включая ономастические, обнаруживают частотное наличие дагурского языка как языка-реликта, характерного для определенного ареала – Восточного Забайкалья, в частности включая и художественные произведения региональных авторов.

Список литературы

1. *Батоев Б. Б.* Русско-бурятский словарь / под ред. Б. Б. Батоева, И. Д. Шепелева. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1965. – 165 с.
2. *Богданов Г. Г.* Это было недавно. – Чита: Экспресс-издательство, 2011. – 360 с.
3. *Будаева Н. Ч., Базарон Б. З.* Мой верный аргамак. Лошадь в жизни буряты / Аргамаг найхан адууһан хори буряадай ажабайдалда. – Чита: ГУ ДПО ИРО Забайкальского края, 2021. – 84 с.
4. *Горобец Л. А.* «Китайский фактор в культурной среде и творчестве дальневосточников» // Китай: история и современность: Мат-лы науч. практич. конференции (Екатеринбург, 17 ноября 2010 г.). – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2011. – С. 7–13.
5. *Жамсаранова Р. Г.* Регионализмы как явление этноязыкового субстрата // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2013. – № 8. – С. 87–99.
6. *Жамсаранова Р. Г.* Этнолингвистическая интерпретация экзонима «Гуран» // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: Материалы X Междунар. научной конференции (Чита, 24-25 ноября 2017 г.) – Чита: ЗабГУ, 2017. – С. 187–190.
7. *Игнатович Т. Ю.* Процесс интеграции говоров севернорусского и южнорусского генезиса на территории Восточного Забайкалья // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – №1 (36) – С. 50–55.
8. *Кадола Т. А.* Региональная лексика как проявление поликультурности // Язык и культура. – 2011. № 2 (14) – С. 22–28.
9. *Пащенко В. А.* Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края. – 3-е изд., испр. и доп. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 432 с.
10. *Пляскина Е. И.* Слово гуран в сибирских говорах: история, семантика, функционирование // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2021. – № 17. – С. 43–55.
11. *Пюрбеев Ц.* Большой академический монгольско-русский словарь. – М.: Academia, 2001. – 1356 с.
12. *Тодаева Б. Х.* Дагурский язык. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – 191 с.
13. *Тумурдэй Г.* Краткий дагурско-русский словарь. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 236 с.

14. Харанутова Д. Ш. Регионализмы забайкальского региолекта: лексико-семантический и словообразовательный аспекты. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2019. – 144 с.
15. Цыбенков Б.Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. – Улан-Удэ, ФГБОУ ВПО «ВСГУТУ», 2012. – 252 с.
16. Цыбенков Б. Д. К изучению этнонима «Даур» // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2012. – № 1 (5) – С. 140–149.
17. Цыбенков Б.Д. Этнокультурное взаимодействие дауров с другими народами (по данным фольклора и этнографии) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2022. – № 2 (39). – С. 77–87.
18. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь в 2-х томах. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. – Т. 1. А-Н. – 636 с. Т. 2. О-Я. – 708 с.
19. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. – М.: Изд-во «Наука», 1980. – 474 с.
20. Энциклопедия Забайкалья // Забайкальская лошадь. – Чита, 1952. – Режим доступа: <http://www.encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=2144>. – (Дата обращения: 15.08.2024).

References

1. Batoev B. B. *Russko-burjatskij slovar'* [Batoev B.B. Russian-Buryat dictionary]. Ed. by B. B. Batoev, I. D. Shepeleva. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1965. 165 p.
2. Bogdanov G.G. *Eto bylo nedavno* [Bogdanov G.G. It was recently]. Chita, Ekspress-Izdatel'stvo Publ, 2011. 360 p.
3. Budaeva N. Ch., Bazarov B. Z. *Moj vernyj argamak. Loshad' v zhizni buryata* [Budaeva N.Ch., Bazarov My Faithful Argamak. Horse in the Life of a Buryat]. Chita, GU DPO IRO Zabajkalskogo kraja Publ, 2021. 84 p.
4. Gorobec L. A. *Kitajskij faktor v kulturnoj srede i tvorchestve dalnevostochnikov* [The Chinese factor in the cultural environment and creativity of Far Easterners]. *Kitaj: istoriya i sovremennost': Materialy nauchoj prakticheskoj konferencii (Ekaterinburg, 17 noyabrya 2010 goda)*. Ekaterinburg, Ural. Universitet Publ., 2011, pp. 7–13.
5. Zhamsaranova R. G. *Regionalizmy kak yavlenie etnolingvistikovogo substrata* [Regionalisms as a phenomenon of ethnolinguistic substrate]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta Publ*, 2013, no.8, pp. 87–99.
6. Zhamsaranova R. G. *Etnolingvističeskaya interpretaciya ekzonima «Guran»* [Ethnolinguistic interpretation of the exonym «Guran»]. *Interpretaciya teksta: lingvističeskij, literaturovedčeskij i metodičeskij aspekty: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Chita, 24-25 noyabrya. 2017 goda)*. Chita, ZabGU Publ., 2017, pp. 187–190.
7. Ignatovich T. Yu. *Process integracii govorov severnorusskogo i yuzhnorusskogo genezisa na territorii Vostochnogo Zabajkal'ya* [The process of integration of dialects of northern and southern Russian genesis in the territory of Eastern Transbaikalia]. *Vestnik Cherepovečskogo gosudarstvennogo universiteta Publ.*, 2012, no.1 (36), pp. 50–55.
8. Kadolo T. A. *Regional'naya leksika kak proyavlenie polikul'turnosti* [Regional vocabulary as a manifestation of multiculturalism]. *Yazyk i kul'tura*, 2011, no. 2 (14), pp. 22–28.
9. Pashhenko V. A. *Slovar' frazeologizmov i inyh ustojchivykh sochetanij Zabajkal'skogo kraja* [Dictionary of phraseological units and other stable combinations of the Transbaikal Territory]. Chita, Zabajkalaskii Gosudarstvennii Universitet Publ. 432 p.
10. Plyaskina E.I. *Slovo guran v sibirskikh govorakh: istoriya, semantika, funkcionirovanie* [The word guran in Siberian dialects: history, semantics, functioning]. *Slovo: fol'klorno-dialektologičeskij al'manakh*, 2021, no. 17, pp. 43–55.
11. Pjurbeev C. *Bol'shoj akademičeskij mongol'sko-russkij slovar'* [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow, Academia Publ., 2001. 1356 p.

12. Todaeva B. H. *Dagurskii yazyk* [Dagur language]. Moscow, Glavnaya redakciya vostochnoi literatury, Nauka Publ., 1986. 191 p.
13. Tumurdei G. *Kratkii dagursko-russkii slovar'* [Brief Dagur-Russian dictionary]. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 2014. 236 p.
14. Haranutova D. Sh. *Regionalizmy zabajkal'skogo regiolekta: leksiko-semanticheskii i slovoobrazovatel'nyii aspekty* [Regionalisms of the Transbaikal regiolect: lexical-semantic and word-formation aspects]. Ulan-Ude, Buryatskij gosuniversitet Publ., 2019. 144 p.
15. Cybenov B. D. *Istoriya i kul'tura daurov Kitaya. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Ethnocultural interaction of the Daurians with other peoples (according to folklore and ethnography)]. Ulan-Ude, FGBOU VPO «VSGUTU» Publ., 2012. 252 p.
16. Cybenov B. D. *K izucheniu etnonima «Daur»* [Towards the study of the ethnonym «Daur»]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, 2012, no. 1 (5), pp. 140–149.
17. Cybenov B. D. *Etnokul'turnoe vzaimodeistvie daurov s drugimi narodami (po dannym fol'klora i etnografii)* [Ethnocultural interaction of the Daurians with other peoples (according to folklore and ethnography)]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyj vestnik*, 2022, no. 2 (39), pp. 77–87.
18. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkii slovar'*. In 2 Vol. [Buryat-Russian dictionary in 2 volumes]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2010, Vol. 1. A-N. 636 p. Vol. 2. O-Ya. 708 p.
19. Eliasov L. E. *Slovar' russkikh govorov Zabajkal'ya* [Dictionary of Russian Dialects of Transbaikalia]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 474 p.
20. *Enciklopediya Zabajkal'ya. Zabaikal'skaya loshad'* [Encyclopedia of Transbaikalia. Transbaikal horse]. Chita, 1952. Available from: <http://www.encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=2144> (accessed 15 August 2024).

REGIONALISMS AS VOCABULARY OF INTERLINGUISTIC DIACHRONOUS CONTACTS: DISCOURSE OF TEXTS

Astafieva I. I., Zhamsaranova R. G.

The article is devoted to the study of regionalisms characteristic of the population of the Trans-Baikal Territory, used directly in regional fiction and representing, in our opinion, relics of the Dagur-speaking inhabitants of historical Dauria. The study of the lexical aspect of diachronic interlingual contacts allows us to assume that some Trans-Baikal regionalisms have their lexical origin in the vocabulary of the Dagur language. Lexical and semantic analysis of the considered lexemes found in the texts confirms the common origin of the studied words from the Dagur language, which allows us to better understand the processes of linguistic interactions and the formation of regional vocabulary. The article also notes that in the process of interlingual contacts, changes occurred in the structure, vocabulary and grammar of the language, which led to the emergence of regionalisms used in the speech of the inhabitants of the Trans-Baikal Territory. Particular attention in the article is paid to the comparative analysis of the names of horse colors in the Dagur, Buryat and Mongolian languages.

Key words: regionalisms, Dagur language, Dauria, Buryat and Mongolian borrowings in the Russian language, fiction, comparative analysis, names of horse colors.